

УДК 294.3

ББК 86.36

БУДДИЙСКОЕ УЧЕНИЕ КАК ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВА ДУХОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛУБСАН-САМДАНА ЦЫДЕНОВА

Д. Л. Баяртуева

Большая часть истории монголоязычных народов связана с буддизмом, который был для них не просто религиозным учением, а, по существу, являлся одним из важных компонентов общественно-политической жизни. Само бытие монголоязычных народов, в том числе бурятского, строилось на религиозных постулатах буддизма.

Бурятское духовенство выдвинуло из своей среды немало выдающихся лам-ученых, известных не только в Бурятии, но и во всем монголоязычном и буддийском мире. До сих пор в памяти бурятского народа живы легенды и предания об именитых ламах, обладавших глубокими познаниями. К их числу относится и Лубсан-Самдан Цыденов (1851–1922?) — буддийский ученый, писатель и поэт, религиозный деятель, попытавшийся реализовать свои воззрения в области реальной политики через учреждение в 1919 г. теократического государства, основанного на принципах буддийской концепции власти.

В детском возрасте Лубсан-Самдана отдали в ученики (хувараки) в Кижингинский дацан, где он выделялся успехами в учебе среди остальных учеников. Уже в начале учебы в дацане ламы-наставники стали замечать у мальчика незаурядные способности, странности в поведении, отличавшие Лубсан-Самдана от других детей, необычайную серьезность и замкнутость. В столь раннем возрасте он познал сущность философского учения о пустоте — шунье. Лубсан-Самдан Цыденов получил полное философское образование в Кижингинском дацане, где ему было присуждено звание габжи (доктора богословских наук), и в 1890 г. становится общепризнанным среди бурятского духовенства ученым-ламой, обладавшим глубокими философскими познаниями и в совершенстве владевшим всеми тонкостями философии мадхьямики и учения праджняпарамиты.

В годы жизни при монастыре Л.-С. Цы-

денов встречается с европейским ученым — этнографом М. А. Кролем, благодаря которому Л.-С. Цыденов расширяет свои познания в области европейской науки.

В марте 1896 г. Л.-С. Цыденов был включен в состав делегации от буддийского духовенства, присутствовавшей на коронации императора Николая II, где произошел экстраординарный случай. Лубсан-Самдан Цыденов был единственным, кто не принял участия в поклонении делегатов царю, что не только поставило их в неловкое положение, но и вызвало сомнение в их лояльности со стороны дворцовых чинов и министерства внутренних дел. В ответ на осуждение Цыденов настаивал, что он как гелун (монах) не должен поклоняться царю, что неучастие его в данном поклонении не является преступным деянием, а поклонение гелуна является отступлением от законов Винаи и оценивается как позор.

После приезда из Петербурга в 1896 г. Л.-С. Цыденов создал на тибетском языке поэтическое произведение «Лечу по небесам», где ярко и красочно описывает свое пребывание в Москве и Санкт-Петербурге. К сожалению, оригинал этой поэмы на тибетском языке не был найден. Однако часть поэмы была переведена на старописьменный монгольский язык (*Oytagui-dur niysünem*) и опубликована в Монголии в сборнике академика Цэндийн Дамдинсүрэна «100 образцов» (*Jaγun bilig*) в 1959 г. В описаниях внешних впечатлений автора таится глубина буддийской символики.

Поэма Лубсан-Самдана Цыденова «Лечу по небесам» состоит из восьмидесяти пяти шлок-четверостиший, разделенных на две части. Первая часть, состоящая из одиннадцати четверостиший, посвящается Москве, а вторая часть поэмы, состоящая из семидесяти четырех шлок, поэтически описывает столицу Российской Империи — Санкт-Петербург. Среди поэтических сравнений встречаются традиционные об-

разы индийской, тибетской и монгольской литературы.

Стихотворное произведение «Лечу по небесам» свидетельствует о том, что Лубсан-Самдан Цыденов — не только ученый, знаток многих языков, великий лама, но и талантливый поэт. В нем меткий взгляд Лубсан-Самдана обнаруживает особенности, которые являются достаточно интересными. В произведении как страноведческом источнике исследования быта, культуры российских столиц XIX в. он обратил внимание на то, что в Санкт-Петербурге количество русских меньше, чем в Москве. Описание народонаселения дается с точки зрения добродетелей, обеспечивающих ему переживание счастья.

Помимо этого поэтического произведения, сохранились рукописи Лубсан-Самдана Цыденова иного характера: это рукописи и документы балагатского движения. Среди них есть «Манифест Лубсан-Самдана» на монгольском языке, который содержит удивительные и смелые предсказания о распространении тантры, о будущем цивилизации. Идеи текста даже в некотором смысле опережают самые смелые догадки В. И. Вернадского и К. Э. Циолковского. Язык текста символичен, труден для перевода. В Кижингинском районе Бурятии в черном переплете хранится подлинная рукопись «Манифеста», до сих пор не доступная исследователю. Имеется также «Хвала Лубсан-Самдану», написанная его учеником Агваном Силнамом Бадмаевым. Этот текст достаточно известен и доступен для исследований.

После приезда из Санкт-Петербурга Самдан-лама решает уйти из монастыря и погрузиться в медитативную практику вдали от мирской суеты. В 1908 г. Л.-С. Цыденова заочно избрали настоятелем Кижингинского дацана. Когда ему сообщили об этом, он отказался возвращаться в дацан, так как не хотел оставлять отшельничество. Поэтому от его имени почти до конца 1915 г. обязанности настоятеля исполнял Гэнин Цыремпилов (Тыхэйн-лама). Вскоре Лубсан-Самдану предлагают стать не только настоятелем Кижингинского дацана, но и хамбо-ламой. По преданиям Кудунского круга, Л.-С. Цыденову принадлежит знаменитая фраза, которую он бросил на предложение стать хамбо-ламой: «Дацан — это сансара (мирское)». Его не удовлетворял образ жизни в монастыре, так как много времени занимала административно-хозяй-

ственная деятельность и ежедневная ритуальная служба, и почти не уделялось внимания медитативной практике.

Л.-С. Цыденов с близким ему учеником Агван-Силнамом вышли из Кижингинского дацана и со своими сторонниками поселились в тайге на склоне Кудунского хребта. Действиями такого рода Л.-С. Цыденов старался вернуть практическому буддизму строгость правил и интенсивность духовной практики времен индийских йогинвомахасиддхов.

В жизни своей сангхи (общины) Лубсан-Самдан возродил принципы непосредственного ведения учителем ученика. Здесь проповедовались и осуществлялись практики тантры уровня махамудры. Он считал, что в меняющихся условиях жизни монастырская форма учения будет нежизнеспособной, и перешел к нетрадиционным, с точки зрения доминирующей в Бурятии школы Гелуг, видам практики и установил внешкольные правила — риме (тиб. *ris-med*) — устройства сангхи, которые могли бы помочь устоять учению в будущем.

Избрав отшельнический путь со своими последователями, Лубсан-Самдан Цыденов начинает распространять нетрадиционную, немонастырскую, форму буддизма в Бурятии. Идея «модернизации» буддизма предполагала два направления. Первое направление возникло в недрах бурятского Просвещения, идейным вдохновителем которого был ученый, политик, дипломат Агван Доржиев. Второе зародилось в ламской среде в первый приезд Жаягсан гэгэна (1896) в Кижингинский дацан. Инициатором реформационного движения здесь был Лубсан-Самдан Цыденов. Оба движения преследовали одну цель — приспособление буддизма к новым условиям жизни наступающего XX в. пышной обрядовости и монастырской форме учения они противопоставили философско-этические принципы раннего буддизма.

В недрах Просвещения происходит осознание своей общности с монгольским миром, которое инициирует движение за возрождение единства монгольских народов, за возрождение монгольской государственности и культурной общности. В научных изысканиях просветителей того времени, публицистических выступлениях в периодической печати, в полемике друг с другом оформлялась общественно-политическая платформа бурятской интеллиген-

ции, философское осознание ею действительности. Однако, как справедливо замечает Л. Е. Янгутов, идеи лидеров бурятского Просвещения не составляли какое-то идеологическое единство, во многом каждый из них оставался на собственной позиции [Янгутов 1995]. Тем не менее, лидеры бурятского Просвещения в обновленческом движении видели путь к консолидации бурятского народа.

Создание своего рода несектарного/нешкольного движения «риме» Л.-С. Цыденовым и его сторонниками объяснялось необходимостью развитию иных форм учения буддизма, предполагающих также и жизнь в миру, посвященную духовному совершенствованию. Л.-С. Цыденов пришел к пониманию необходимости изменить устоявшуюся форму бурятского буддизма таким образом, чтобы он мог развиваться в новой для себя социокультурной среде, в контексте российской действительности и культуры. К тому же Л.-С. Цыденов был лично знаком с представителями западной культуры и науки и на личном опыте знал, что западных адептов отличает большая интеллектуальная подготовка: обширные знания в области различных наук, владение языками и т. д. Им были собраны тексты не только Гелуг, но и других основных школ буддизма: Ньингма, Кагью, Сакья и Шижед, которые уделяют особое внимание медитативной практике. Здесь следует отметить, что, несмотря на то, что основным йидамом (божеством) йогина был Ямантака, для реализации своей практики в затворничестве он также использовал основные учения Хеваджра-тантры, Чакрасамвара-тантры, Гухьясамаджа-тантры, махамудры, которые практиковались в вышеназванных школах.

Учение школы Ньингма привлекло Л.-С. Цыденова и его последователей, поскольку в основе этой школы лежит традиция тантры. Тайная тантра владеет неизмеримо высоким методом единства стадий зарождения и завершения, которые очищают от заблуждений на разных ступенях практики. Теоретической основой этой практики является учение *дзогчен*. Его оформление в Тибете было осуществлено известным философом и йогиним Лонченпой (Нацог-Рандолом), оставившим многотомное собрание сочинений. Итоговую работу Лонченпы «Карнатантра...», объединившую учения дзогчен и махамудры, ученик и сподвижник Л.-С. Цыденова Агван Силнам Доржи

(Д. Бадмаев) перевел на бурятский язык. В круг практики было также введено учение махамудры традиции Шижед. Другой школой, учение которой было значимо для Л.-С. Цыденова, является Сакья. Основное учение этой традиции трактуется как Путь-Плод, что значит в развернутом виде «Путь, в самом себе заключающий Плод». Основной практикой Сакья является практика божества Хеваджры, в которой методически осуществляется Путь, состоящий из двух ступеней — зарождения и завершения. Таким образом, Самдан-лама, осуществляя практику созерцания божества Хеваджры, руководствуется сакьяпинской садханой (методом) «Способ осуществления Хеваджры». Созерцая божество Чакрасамвару, Л.-С. Цыденов руководствовался основными принципами школы Кагью. Так же, как и в традиции Кагью, основные принципы Л.-С. Цыденова базировались на устной традиции учителя. Основным учителем, давшим посвящение по практике Ямантаки Самдан-ламе, является Жаягсан-гэгэн. В свою очередь Л.-С. Цыденов передал эти наставления своим ученикам, одним из которых был Б. Д. Дандарон, известный тем, что продолжил идеи своего учителя.

Таким образом, Лубсан-Самдан Цыденов со своими учениками переходит к нетрадиционному, с точки зрения доминирующей в Бурятии школы Гелуг, видам практики. Безусловно, в то время для многих верующих и лам такое решение было непонятным. По нашему мнению, причиной неприятия и даже осуждения реформатора было убеждение в том, что путь серьезной тантрической практики, который избрал Лубсан-Самдан, мог осуществить не каждый, а только хорошо подготовленный для многолетнего затворничества человек.

Лубсан-Самдан Цыденов устраивает келью в Нижнем Кудуне, на западном склоне горы Шилэнтуй, в местности Соорхой, где и начинает созерцание божества Ямантаки. В буддийских текстах, содержащих разъяснения по практике Ямантака-тантры, говорится, что местами проведения затворничества отшельника могут быть кладбища, берега рек, перекрестки дорог, пустые дома, места сражения, вершины гор, храмы, дома, населенные различными вредоносными духами, и густые леса. Чтобы устранить блуждание ума, затворничество нужно осуществлять в тихом и безлюдном месте, то есть оно должно находиться вдали от мир-

ской суеты. Соорхой идеально подходила для затворничества. Божество, которое созерцал Л.-С. Цыденов, является йидамом в системе Ануттарайогатантры — наивысшей ступени махаяны, которая в свою очередь подразделяется на сутраяну и тантраяну. Ведущая мотивация последователя махаяны — это стремление достичь просветления и освобождения от сансарного круговорота ради всех живых существ и затем обратить их на путь к пробуждению. Практикующий тантру, будучи махаянистом, стремится достичь состояния Будды, чтобы уже с этого уровня содействовать страдающим. По мнению буддистов, тантрийский путь, который, в отличие от пути сутраяны, реализуется за короткий срок, может оказать неоценимую помощь всем живым существам. Тантрийский путь, хотя и нелегкий, отличается своей ясностью [Карма Агван Йондан Чжамцо 1993].

Аннутагарайогатантра является важным аспектом тантрической практики буддизма Махаяны и, по мнению Далай-ламы XIV, фактически образует ту основу, на которой строится вся структура тантры. Она обладает силой, которая наполняет медитацию серьезного практика необычайной жизненной энергией. В отличие от других систем тантрической медитации в значительной степени зависит от благословения, которое непосредственно передается по непрерывной линии традиции через живых наставников (гуру) [Его Святейшество Далай-лама XIV 2001].

Подобная практика довольно сложна для начинающих, поэтому во время затворничества Лубсан-Самдан Цыденов сочинил магтал (гимн) гневной ипостаси Манджушри — Ямантаке для своих учеников в упрощенном варианте, который представляет сокращенный и облегченный метод созерцания, что позволяет постепенно перейти к более сложной медитации. Магтал написан в стихотворной форме и имеет мелодию, что значительно упрощало процесс медитации для простых людей.

*Суть всех книг,
Объясняющих пустотность,
[Визуализирую, как реальность]:
Разноцветный лотос-престол,
Будду, ушедшего с победой,
Лучезарного Ваджра Бхайраву*

*[На лotosовом троне]
С телом темно-синего цвета,
С девятью гневными лицами.
Тридцатичетырехрукий,
Шестнадцатиногий,
Единотельый стоит Ямантака.
На голове, горле и сердце
Три магические буквы
«Ом-А-Хум» сияют.
И светом этим призывают
Бхайраву.
Дза-Хум-Бам-Хо!
Над головою возносится
Будда Акшоба.
Вновь молюсь, восхваляю
Падму Ямандака!
И очистившись, наконец,
От клеш и скверны,
Прошу магической силы:
Ом-Ямандака-хум пад!
Прошу погрузиться в меня,
Войти в мое тело.
От этого благодеяния
Сам становлюсь Ямандакой!
Устраиваю счастье и благоденствие
Всех живых существ!*

[Баяртуев 2001: 191–192].

В такой творческой, созерцательной практике Лубсан-Самдан Цыденов со своими учениками провел более двадцати лет. Возможно, кудунское созерцание могло бы продлиться еще несколько лет, однако война нарушила созерцательный образ жизни Л.-С. Цыденова. В конце августа 1918 г. власть в Забайкалье захватил атаман Семенов, ранее бывший представителем Временного правительства. С этого момента у Лубсан-Самдана Цыденова начинается новый этап жизни.

Литература

- Баяртуев Б. Д. Предыстория литературы бурят-монголов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 220 с.
- Его Святейшество Далай-лама XIV. Союз блаженства и пустоты / пер. с тиб. геше Туптен Джинпа, пер. с англ. А. А. Щербаков. СПб.: Нартанг, 2001. 259 с.
- Карма Агван Йондан Чжамцо. Светоч уверенности. СПб.: Орис, Яна-Принт, 1993. 240 с.
- Янгутов Л. Е. Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск: Наука, 1995. 224 с.